

Why did Seneca the elder consider Gaius Asinius Pollio to be a founder of the first public recitations in Rome?

E. V. Snedkova¹

¹Lomonosov Moscow state University, 27 building 4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow 119234, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-544-553

Research article
Full text in Russian

Gaius Asinius Pollio (c. 75 BC – 4 AD), Roman commander, politician, orator and writer is also known as the founder of public recitations in Rome. The reason for this was the following phrase from the *Controversions* by Seneca the Elder: “Pollio was the first of all the Romans to have read his works to the invited public” (*Contr. IV. praef. 2*). Nowadays it is accepted by scholars that Pollio did not introduce public recitations, however, there is still no consensus on what exactly this innovation was. In this article, the author considers modern interpretations of the fragment from the *Controversions* and offers her own interpretation, concluding that Pollio initiated the reading of works for a wider audience at a more formalized level.

Keywords: Gaius Asinius Pollio; Seneca the Elder; recitations; poetry; culture; antiquity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Snedkova, Ekaterina V. | E-mail: kiseleva.kate@gmail.com
Postgraduate

Почему Сенека считал Гая Азиния Поллиона родоначальником первых публичных рецитаций в Риме?

Е. В. Снедкова¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, 119234, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-544-553
УДК 78+94(38)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Гай Азиний Поллион (ок. 75 г. до н. э. – 4 г. н. э.) – римский государственный деятель, полководец, оратор и писатель известен также и как родоначальник публичных рецитаций в Риме. Причиной послужила следующая фраза из «Контроверсий» Сенеки Старшего: «Поллион первым из всех римлян зачитал свои произведения при приглашённых» (Contr. IV. praef. 2). В настоящее время в научной литературе, как правило, принимается точка зрения о том, что публичные рецитации Поллионом введены не были. Однако единого мнения насчёт того, в чём именно заключалось его нововведение, среди исследователей не существует. В настоящей статье автор рассматривает современные трактовки фрагмента из «Контроверсий» и предлагает свою интерпретацию, приходя к выводу, что Поллион инициировал чтение произведений для более широкой аудитории на более формализованном уровне.

Ключевые слова: Гай Азиний Поллион; Сенека Старший; рецитации; поэзия; культура; античность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Снедкова, Екатерина Владимировна | E-mail: kiseleva.kate@gmail.com
Аспирант

В эпоху Римской империи одним из распространённых культурных явлений становятся публичные рецитации. Так назывались собрания, на которых зачитывались литературные тексты – по большей части произведения поэтов и историков, однако не были исключением и другие литературные жанры.

Известным поклонником подобных чтений был Плиний Младший, чьи «Письма» представляют собой один из лучших источников для ре-

конструкции практики публичных рецитаций в Риме. Согласно многочисленным фрагментам из «Писем», Плиний не только часто посещал выступления других авторов, но и сам любил зачитывать собственные произведения перед аудиторией, чтобы выслушать критику и советы перед изданием своих трудов. У. А. Джонсон высказывает мнение, что такие чтения для Плиния имели и более значимую, чем сугубо практическую, роль. Согласно исследователю, в своих «Письмах» Плиний пытался воссоздать идеал современных ему элитарной культуры и элитарного общества. Таким образом, публичные рецитации выполняют также важную социокультурную задачу [1, p. 32–62]¹.

Однако мнение Плиния Младшего разделяли далеко не все его современники, которых можно причислить к упомянутой культурной элите. Уже во второй половине I в. до н. э. такой вид интеллектуального досуга становится настолько повсеместным, что постоянные чтения однообразных произведений вынуждают Ювенала взяться сочинять сатиры, словно в отместку декламирующим на каждом шагу поэтам (*cum tot ubique vatibus occurras*; *Iuv.* 17–18): свою первую сатиру он начинает с вопросов: «Всегда ли мне быть только слушателем? Неужели я, столь часто мучимый «Тезеидой» осипшего Корда², не противопоставлю ничего в ответ?» (*Iuv.* 1–2). Недоволен множеством публичных рецитаций был и Марциал, посвятивший одну из своих эпиграмм шейному платку, который следовало бы брать с собой приглашённым на рецитации, чтобы можно было с помощью него защитить свои уши (*Si recitaturus dedero tibi forte libellum // Hoc focale tuas adserat auriculas*; *Mart.* 137).

Как замечает Л. И. Савельева, которая подробно сравнила взгляды Ювенала, Марциала и Плиния Младшего на публичные рецитации в своей статье 1954 г. [3], такое «распространение поэтического дилетантизма» стало следствием «полезного начинания» Гая Азиния Поллиона – введения публичных рецитаций в Риме. Однако так ли виновен в учреждении подобной, впоследствии «выродившейся» практики именно сам Поллион и в чём именно заключалась его роль?

Прежде чем полностью посвятить себя занятиям литературой, Азиний Поллион успел пройти весьма насыщенный карьерный путь на политическом и военном поприще, который пришёлся на эпоху гражданских войн в Риме³. Он был верным сторонником Цезаря, а после мартовских ид 44 г. до н. э. занимал видное положение при Антонии. Два наиболее значимых события в политической карьере Поллиона приходятся на 40 г. до н. э. – подготовка соглашения в Брундизии, в котором он участвовал как представитель Антония, и консульство. Последним назначением

¹ В ещё более широком контексте перехода от республики к принципату детально рассмотрела практику рецитаций Ф. Дюпон [2].

² О поэте Корде, современнике Ювенала, ничего не известно.

³ Подробнее о политической карьере Поллиона см. очерк Дж. Дзеккини [4].

Поллиона стало его проконсульство в Далмации в 39 г. до н. э., после чего он предпочёл отойти от государственных дел и, вернувшись в Рим и справив триумф, полностью посвятить себя занятиям литературой, которая, по выражению Р. Сайма, значила для него больше, чем война и политика [5, p. 241]. Значительный вклад Поллиона в развитие римской литературы неоднократно отмечали исследователи, занимавшиеся деятельностью Поллиона в культурной сфере [6–9], в которой он выступал не только как автор,⁴ но и как выдающийся организатор⁵.

Причиной тому, что имя Азиния Поллиона связывают с введением практики публичных рецитаций в Риме, послужила следующая фраза из предисловия к четвёртой книге «Контроверсий» Сенеки Старшего: [Pollio] primus enim omnium Romanorum advocatis hominibus scripta sua recitavit (Sen. contr. IV. praef. 2) – «Поллион первым из всех римлян зачитал свои произведения при приглашённых». В 1922 г. Э. Д. Пирс писала об этом как о «заметном нововведении» [6, p. 42]. Однако спустя тридцать лет А. Дэлзелл пересмотрел приведённый фрагмент из «Контроверсий» и по-новому поставил вопрос о роли Азиния Поллиона в учреждении публичных рецитаций [7].

Точная дата события, которое упоминает Сенека Старший, нам неизвестна. По мнению А. Дэлзелла, ввести подобную практику Поллион мог только после 39 г. до н. э. Вполне логичной представляется и точка зрения, высказанная впоследствии К. Квинном, согласно которой описываемое Сенекой нововведение (вне зависимости от конкретных мер, которые были приняты Поллионом) относится, наиболее вероятно, к 43–42 гг. до н. э. [14, S. 159]. На тот момент Поллион действительно не только мог располагать относительно свободным временем, но и уже был значимой фигурой в литературной среде, выступая в качестве патрона поэтического «кружка», в которой входили такие поэты, как Корнелий Галл, Вергилий и Парфений Никейский [15]. К тому же в восьмой эклоге, написанной предположительно в 39 г. до н. э., Вергилий воспеваёт стихи Поллиона⁶ – единственные достойные котурна Софокла (*sola Sophocleo tua carmina digna coturno*; Verg. Buc. VIII. 10).

Тем не менее я считаю датировку А. Дэлзелла более убедительной ввиду того, что наиболее подходящим местом для любых новых начинаний в литературной сфере представляется именно Рим, остававшийся

⁴ Поллион писал как стихи, так и прозу. Наиболее значимым его произведением был несохранившийся труд по истории гражданских войн, состоявший из 17 книг. От сочинений Поллиона до нас дошли лишь некоторые небольшие отрывки и фрагменты в пересказах более поздних античных авторов [10–11].

⁵ К «организаторской деятельности» Поллиона в литературной сфере относится, в частности, основание им первой публичной библиотеки, которая располагалась в атриум Свободы, возведённом Поллионом на средства от своего иллирийского триумфа [12, p. 5; 13, p. 284].

⁶ Поллион не назван в восьмой эклоге как её адресат, но признаётся таковым большинством современных исследователей [16–18].

центром культурной жизни и в эпоху гражданских войн. В предисловии к первой книге «Контроверсий» Сенека признаётся, что из всех великих ораторов своего времени он не слышал лишь одного Цицерона, чему причиной были бушевавшие в государстве гражданские войны, которые удерживали Сенеку внутри его города – Кордубы (Sen. contr. I. praef. 11). На 37 или 35 гг. до н. э. приходится упоминание о драматических произведениях Поллиона уже не у Вергилия, входившего на момент написания VIII эклоги в его поэтический «кружок», а у Горация (Hor. Sat. I. 10, 41–42), который ассоциировал себя с поэтами круга Мецената. Б. Л. Ульман, комментируя упоминание Поллиона в десятой сатире Горация, остроумно замечает, что Поллион представлял в то время «кружок, состоящий из него самого» (a circle by himself) [19, p. 163], что предоставляло ему больше времени и сил посвящать литературной деятельности в самых разных её проявлениях.

Однако основную проблему составляет вопрос, в чём именно заключалось нововведение Поллиона. Рассмотрев сведения о более ранних практиках чтения произведений вслух в присутствии определённой аудитории, А. Дэлзелл приходит к выводу, что в Риме таким образом поэзию зачитывали уже во II в. до н. э. – сначала греческие грамматики, а затем и сами римляне [7, p. 23]. Исследователь также приводит фрагмент из шестой сатиры первой книги Горация с упоминанием публичных рецитаций, которые ко времени написания стихотворения уже имели широкое распространение (Hor. Sat. I. IV. 73–76). Гораций признаётся, что читает (recito) свои стихи только перед друзьями и то «вынужденно, не везде, не на глазах у всех не для каждого», но в то же время есть очень много людей, которые читают (recitant) свои сочинения и посреди форума или же в банях, так как их своды приятно откликаются в ответ их голосом (Hor. Sat. I. IV. 73–76: *Nec recito cuiquam nisi amicis idque coactus // non ubivis coramve quibuslibet. in medio qui // scripta foro recitent, sunt multi quique lavantes: // suave locus voci resonat conclusus*). По мнению А. Дэлзелла, эти строки поэт написал до 38 г. до н. э. или одним-двумя годами позже, то есть в любом случае публичные рецитации не могли успеть распространиться так широко за такое короткое время, если бы они были действительно введены в Риме Азинием Поллионом [7, p. 24].

Таким образом, А. Дэлзелл отвергает ранее существовавшие трактовки упомянутой фразы из Сенеки: Поллион не был ни «изобретателем» публичных рецитаций; ни первым, кто рассылал приглашения (так как приглашений требовали и частные рецитации); ни первым, кто зачитывал именно свои произведения. Историк приходит к выводу, что инновация Поллиона заключалась в учреждении публичных рецитаций на более формальной основе (on a more formal basis) [7, p. 26]. Такую точку зрения можно встретить и в более поздних исследованиях. Так, Э. Фантам

[20, p. 92], Т. Кит Дикс [13, p. 287] и Э. Лефевр [21, S. 12] отмечают «официальный» статус таких рецитаций, однако последний также подчёркивает, что на них рассылались приглашения и зачитывались там произведения собственного сочинения. Аналогичное мнение приводит и Д. Д. Маркус [22], предлагая, однако, альтернативный вариант, который я подробнее рассмотрю далее. П. Уайт, сосредотачивая своё внимание на изучении социальных связей в литературной среде, подчёркивает значение «спонсорского» участия в организации рецитаций, а также нацеленность таких чтений на более широкую потенциальную аудиторию [23, p. 60].

О современном состоянии проблемы можно судить по одной из последних обширных работ о Поллионе австралийской исследовательницы С. Латтон. Она подводит итог дискуссии следующим образом: в целом на настоящий момент всеми признаётся, что публичные рецитации Поллионом введены не были. Однако вопрос, как следует понимать фрагмент из Сенеки, открыт для интерпретаций и привлекает к себе внимание исследователей [24, p. 201].

Итак, что же именно сделал Поллион? Вернёмся к упомянутой фразе Сенеки и рассмотрим её более подробно, отдельно обратив внимание на контекст. Предисловие к четвёртой книге «Контроверсий», посвящённое Поллиону, Сенека начинает следующими словами: «Азиний Поллион никогда не декламировал в присутствии толпы» (*numquam admissa multitudine declamavit*, *Sen. contr. IV. praef. 2*). Однако, как замечает ритор, у Поллиона не было недостатка в честолюбии в занятиях науками (*nec illi ambitio in studiis defuit*), ведь он первым из всех римлян зачитал свои произведения при приглашённых (*primus enim omnium Romanorum advocatis hominibus scripta sua recitavit*; *Sen. contr. IV. praef. 2*). Таким образом, мы можем заметить два противопоставления: фразы «*admissa multitudine*» и «*advocatis hominibus*», а также глаголы «*declamavit*» и «*recitavit*».

Очевидно, Сенека сравнивает два разных вида деятельности: на свои декламации Поллион не допускал большого количества людей, но на его рецитациях присутствовала некая публика. В таком случае, на мой взгляд, следует сразу отказаться от идеи, высказанной Д. Д. Маркус о том, что Сенека говорит о попытке Поллиона вынести декламирование речей за стены риторических школ [22, p. 147]. Свидетельство Плиния Младшего, которое исследовательница приводит как подтверждение своей точки зрения говорит скорее об обратном. В цитируемом Д. Д. Маркус фрагменте Плиний удивляется, почему некоторые порицают его за то, что он публично читает свои речи (*orationes omnino recitarem*; *Plin. epist. VII. 17*), и в ответ сам недоумевает, отчего более привычным и подходящим считается чтение исторического произведения (*historiam*), трагедии (*tragoediam*) или лирики (*lyrica*) – всего того, что, по словам Плиния, уже

вошло в обычай (*At horum recitatio usu iam recepta est; Plin. epist. VII. 17*). Таким образом, даже ко времени Плиния практика рецитации речей считалась непривычной, поэтому едва ли Сенека стал бы особенно выделять, что Поллион первым обратился к той практике, которая, очевидно, даже и при нём ещё не имела широкого распространения.

Стоит отметить, однако, что непосредственно глагол *recitare* встречается в сочинениях Сенеки применительно как к поэтическим (*recitare carmen; Sen. suas. II*) и историческим (*recitaret historiam; Sen. contr. X. praef.*) сочинениям, так и к речам (*pro Pythodoro Messalae orationem dissertissimam recitavit; Sen. contr. II. 4.*). Существительное же *recitatio*, которое в большинстве случаев у Плиния Младшего будет впоследствии употребляться для обозначения культурного мероприятия, а не процесса зачитывания чего-либо вслух (*Plin. Epist. I. 13; III. 7, 18; V. 17; VII. 17*), Сенека использует всего один раз применительно к рецитации поэта Корнелия Севера, которая проходила в доме Мессалы Корвина (*Sen. suas. VI. 27*).

Следовательно, под *scripta sua*, скорее всего, стоит понимать в первую очередь не речи, а прочие сочинения Поллиона: его поэтические произведения, несколько позже его «Историю». На одной из таких рецитаций Гораций мог слышать предисловие к «Истории» Поллиона, на которое откликнулся первой одой второй книги. Вероятно, отличие рецитаций, которые «ввёл» Поллион, состояло в том, что они заключали в себе элемент некой литературной критики и обсуждения, но уже в более широком кругу (*advocatis hominibus*): приглашаться могли не только близкие друзья, но и просто образованные люди, мнение которых могло быть интересно и полезно для автора. Таким образом, следует, на наш взгляд, представлять нечто среднее между приватными рецитациями и описанными у Горация беспорядочными чтениями в банях и на форуме (*Hor. Sat. I. IV. 74–76*).

Плиний Младший, сам большой любитель публичных чтений, писал, что большинство авторов, рецитации которых он посетил, – его друзья (*Erant sane plerique amici; Plin. epist. I. 13*), стало быть, Плиний слушал и других литераторов, не столь близких ему лично. Обращаясь к Созию Сенециону, он с радостью сообщает о большом «урожае» поэтов, оживлению литературной деятельности и выдвижению новых талантов (*Magnum proventum poetarum annus hic attulit. <...> Iuvat me quod vigent studia, proferunt se ingenia hominum; Plin. Epist. I. 13.*). Однако, как можно судить далее из письма, на рубеже I–II вв. уже не все смотрели на публичные рецитации с таким же энтузиазмом, как Плиний, и для многих они превратились скорее в утомительную обязанность: «Теперь последний бездельник, которого задолго до этого пригласили и которому неоднократно напомнили, или не приходит, или, если приходит, жалуется, что он потратил день, именно потому что его не потратил» (*Plin. Epist. I.*

13). Сам же Плиний подчёркивал большую важность и пользу публичных чтений для автора. «С изданием пока как хочешь. По крайней мере выступи – тем более тебе захочется издавать, что ты испытаешь, наконец, радость, которую я давно уже и неспроста для тебя предвкушаю», – увещевает Плиний в одном из писем Октавия Руфа (Plin. Epist. II. 10: *Et de editione quidem interim ut voles: recita saltem quo magis libeat emitter, utque tandem percipias gaudium, quod ego olim pro te non temere praesumo*).

Наконец, необходимо упомянуть, что Дж. П. Смолл, говоря о публичных рецитациях, отмечает наличие в наших источниках противоречия относительно того, кто первым ввёл в Риме подобную практику [25, p. 233, n. 32]. Помимо уже упомянутого фрагмента из Сенеки, она приводит цитату из сочинения Светония «О грамматиках и риториках», касающуюся греческого философа и грамматика Кратеса Маллосского (Suet. Gram. 2; цитируется далее), посетившего Рим в качестве посла Пергама около 170–168 гг. до н. э. Однако, как нам представляется, сам Светоний делает акцент именно на «филологическом» аспекте нововведения Кратеса, отчего это свидетельство и не было рассмотрено нами ранее. Так, историк говорит, что Кратес «первым ввёл в городе изучение грамматики» (*primus igitur, quantum opinamur, studium grammaticae in urbem intulit*), многократно устраивая чтения и обсуждения (*plurimas acroasis subinde fecit assidueque disseruit*), после чего в Риме вошёл в обычай тщательный разбор стихов, по словам Светония «прежде мало распространённых», которые были написаны либо умершими друзьями, либо какими-нибудь другими авторами (*carmina parum adhuc divulgata vel defunctorum amicorum vel si quorum aliorum probassent*). Стихи пересматривали и тщательно перерабатывали (*diligentius retractarent*), приводя в законченный вид, а затем читали и истолковывали, посредством чего о них узнавали некоторые люди (*legendo commentandoque etiam ceteris nota facerent*).

И хотя нельзя не отметить схожесть двух мероприятий – обсуждения произведений в кругу осведомлённых и образованных людей, последующая работа над этими произведениями в результате обсуждений, а также то, что впоследствии они оба стали образцами для подражания, – всё же речь идёт о разных практиках. Основные их отличия, на мой взгляд, заключались, во-первых, в том, чьи произведения зачитывались, а во-вторых, каковой была изначальная цель первых и вторых собраний. Впрочем, и сам Светоний не высказывается о Кратесе с такой же уверенностью, как Сенека Старший говорит о Поллионе, добавляя небольшое замечание – *quantum opinamur* – «насколько мы считаем» (Suet. Gram. 2). Тем не менее значение фигуры Кратеса Маллосского, если сообщение Светония о нём верно, для данного вопроса заключается в том, что, вероятно, именно благодаря ему греческая практика публичных чтений литературных произведений начала распространяться в Риме, что, впрочем, было

отмечено ещё в начале XX века итальянским исследователем Дж. Фунай-оли [26, Sp. 437].

Таким образом, Поллион, скорее всего, ввёл чтение произведений для более широкой аудитории и с определённой целью. Такие собрания представляли собой не просто обсуждение в кругу друзей, но обсуждение на более формализованном уровне в виде литературной дискуссии заинтересованных образованных людей. Стоит заметить, что Поллион, согласно имеющимся у нас сведениям, не вводил ничего намеренно, а просто инициировал практику, которая потом получила очень широкое распространение и достигла спустя столетие такого значения и таких масштабов, о которых мы читаем у Плиния Младшего.

Ссылки

1. Johnson W. A. *Readers and Reading Culture in the High Roman Empire: A Study of Elite Communities*. Oxford: Oxford University Press, 2010. x, 227 p.
2. Dupont F. *Recitatio and the reorganization of the space of public discourse // The Roman Cultural Revolution* / eds. T. Habinek, A. Schiesaro. Cambridge University Press, 1997. P. 44–59.
3. Савельева Л. И. Литературная жизнь Рима I в. н. э. по эпиграммам Марциала // *Учёные записки Казанского государственного университета: сборник работ историко-филологического факультета*. Казань, 1954. Т. 114, кн. 6. С. 67–91.
4. Zecchini G. *Asinio Pollione: Dall'attività politica alla riflessione storiografica // ANRW. Band II. 30, 2. 1982. P. 1265–1296.*
5. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. 568 p.
6. Pierce E. D. *A Roman Man of Letters: Gaius Asinus Pollio: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy*. New York, 1922. 82 p.
7. Dalzell A. *Asinius Pollio and the early history of public recitation at Rome // Hermathena. 1955. No. 86. P. 20–28.*
8. Néraudau J.-P. *Asinius Pollion et la poésie // ANRW. Band II. 30, 3. 1983. S. 1732–1750.*
9. Corte J. C. F. *Escritura y política en la época augustea: Asinio Polión // CUM MENS ONUS REPONIT: Artículos Inéditos Y Selección De Conferencias / eds. T. R. Cortés, M. S. González and L. J. Cantó. Salamanca: Ediciones Universidad De Salamanca, 2018. P. 131–146.*
10. Hollis A. S. *Fragments of Roman poetry, c. 60 BC–AD 20*. Oxford: Oxford University Press, 2007. xviii, 440 p.
11. Drummond A. 56. C. *Asinius Pollio // The Fragments of the Roman Historians, 3 vols. Cornell T. J. (ed.). Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 860–867.*
12. Boyd C. E. *Public Libraries and Literary Culture in Ancient Rome*. Chicago, 1915. 77 p.

13. Keith Dix T. "Public Libraries" in Ancient Rome: Ideology and Reality // *Libraries & Culture*. Vol. 29, No. 3. 1994. P. 282–296.
14. Quinn K. The poet and his audience in the Augustan age // *ANRW*. Band II. 30, 1. 1982. S. 75–180.
15. Снедкова Е. В. Независимый поэтический кружок Азиния Поллиона? // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2022. № 3. С. 183–197.
16. Farrell J. Asinius Pollio in Vergil Eclogue 8 // *Classical Philology*. 1991. Vol. 86, No. 3. P. 204–211.
17. Thibodeau Ph. The Addressee of Vergil's Eighth Eclogue // *The Classical Quarterly*. 2006. New Series. Vol. 56, No. 2. P. 618–623.
18. Cairns F. C. Asinius Pollio and the "Ecogues" // *The Cambridge Classical Journal*. 2008. Vol. 54. P. 49–79.
19. Ullman B. L. Horace and Tibullus // *The American Journal of Philology*. 1912. Vol. 33, No. 2. P. 149–167.
20. Fantham E. *Roman Literary Culture: From Plautus to Macrobius*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2013. 338 p.
21. Lefèvre E. Die römische Literatur zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit // *Strukturen der Mündlichkeit in der römischen Literatur* / Hrsg. G. Vogt-Spira. Tübingen: Narr, 1990. S. 9–18.
22. Markus D. D. Performing the Book: The Recital of Epic in First-Century C.E. Rome // *Classical Antiquity*. 2000. Vol. 19, No. 1. P. 138–179.
23. White P. *Promised Verse: Poets in the Society of Augustan Rome*. Harvard University Press, 1993. 330 p.
24. Lutton S. *Asinius Pollio. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy*. University of Western Australia, 2012. 354 p.
25. Small J. P. *Wax Tablets of the Mind: Cognitive Studies of Memory and Literacy in Classical Antiquity*. L.: Routledge, 1997. 386 p.
26. Funaioli G. *Recitationes* // *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. I A. 1. 1914. Sp. 435–446.